

137/326 [листка]

СБОРНИКЪ

МАТЕРІАЛОВЪ ДЛѢ СТАТИСТИКИ СЫРЬ-ДАРЬИНСКОЙ ОБЛАСТИ

ИЗДАНИЕ

Сырѣ-Дарьинскаго Областнаго
Статистическаго Комитета.

Подъ редакціей и. г. Секретаря Комитета Н. Н. Гейера

ТОМЪ V.

ТАШКЕНТЪ

Типо-Литографія торіольнаго дома «Ф. и Г. Бр. Каменскіе».
1896.

Занги-баба!²⁾

²⁾ Настоящее имя сятаго Занги-ата, или Занги-баба—есть *Иминь-баба*. Получилъ же онъ прозвище *Занги* вслѣдствіе того, что былъ очень черный и страшный. Занги-ата родился въ мѣстности *شاش* *Шашъ*. Онъ сынъ Таджъ-Ходжи и внукъ Азрита Арсланъ-бабы (извѣстнаго сятаго). Занги-ата былъ пятимъ мюридомъ (послѣдователь) св. Ходжа-Ахмедъ-ясави, погребеннаго въ г. Туркестанѣ, надъ гробомъ котораго сооружено колоссальное зданіе Тимуромъ. Исходя изъ этого обстоятельства, позволительно предположить, что Занги-ата жилъ, приблизительно, 850 лѣтъ тому назадъ. Онъ погребенъ, какъ сказано выше, въ Шашъ. Мѣстность эта отстоитъ отъ Ташкента, приблизительно, въ 10 верстахъ и носитъ теперь названіе по имени этого сятаго, т. е. Занги-ата. Сюда съѣзжаются многіе туземцы на поклоненіе.

Въ персидской книгѣ *رشحات* (Рашахатъ), гдѣ описываются житія святыхъ, такъ очерчивается святость Занги-ата:

Жили и воспитывались въ Бухарѣ четыре ученыхъ мужа: *Узунъ-хасанъ-ата*, *Сейдъ-Ахмедъ-ата*, *Садръ-ата* и *Бадръ-ата*. Когда они получили тамъ высшее богословское образованіе, Всевышній вселялъ въ ихъ души желаніе отыскать себѣ ишана, въ лицѣ Занги-ата, чтобы потомъ быть его мюридами. И вотъ, они по инстинкту направились вчетверомъ къ Туркестану. Проходя по степи, густо заросшей колючкой, они неожиданно встрѣтили одного чернаго человѣка, съ отвисшими какъ у верблюда нижними губами. Онъ былъ босой и пасъ огромное количество коровъ. Это былъ, оказывается, Занги-ата. Увидѣвъ предъ собою четверыхъ человѣкъ, онъ спросилъ: „Что вы за люди и какая причина повела васъ здѣсь скитаться?“ Ученые мужи повѣдали ему о себѣ и сказали, что они, блуждая по степи, *вынюхиваютъ* ишана.

— Я обнюхалъ весь міръ, но не нашелъ ишана, а для того, чтобы пополнить ваши познанія и добродѣтели, совершенно довольно даже моего наставничества, сказалъ Занги-ата.

Тогда Сейдъ-Ахмедъ-ата подумалъ: „Какой же онъ хвастунъ! могу ли я, *Сейдъ* (потомокъ Мухаммеда), быть послѣдователемъ чернаго пастуха коровъ!“

А Бадрь-ата размышлялъ такъ: „Какъ хвалится этотъ пастухъ съ верблюжьими губами!“

Между тѣмъ, Хасанъ-ата и Садрь-ата размышляли иначе: „Немудрено, если Господь Богъ вселилъ въ сердце этого пастуха свѣтъ“.

Занги-ата, по своей святости, прочелъ мысли своихъ собесѣдниковъ. Тогда первымъ увѣровалъ въ Занги-Ата и подалъ руку, т. е. сдѣлался послѣдователемъ, Хасанъ-ата, за нимъ Садрь-ата, а потомъ Бадрь-ата и Сендъ-Ахмедъ-ата.

Сендъ-Ахмедъ-ата и Бадрь-ата, благодаря тому, что не увѣровали сразу въ Занги-ата, много лѣтъ не могли сподобиться святости.

Между прочимъ, про Сендъ-Ахмедъ-ата осталось слѣдующее преданіе. Видя неуспѣшность своихъ дѣлъ, онъ обратился къ помощи Ганбаръ-ана, жены Занги-ата. Она ему посоветовала завернуться въ черную кошку и лечь на дорогѣ, гдѣ будетъ проходить Занги-ата. А сама въ этотъ вечеръ рассказала мужу о заслугахъ Сендъ-Ахмедъ-ата и просила обратить на него милостивый взоръ. Занги-ата улыбнулся и сказалъ женѣ о мысляхъ Сендъ-Ахмедъ-ата (приведенныхъ выше). На разсвѣтѣ Занги-ата вышелъ для омовенія на дворъ и, увидѣвъ завернувшася въ черную кошку человека, наступилъ ему прямо на грудь и спросилъ: „Кто ты таковъ?“ — „Твой Ахмедъ, произнесъ лежавшій, не упоминая, слово Сендъ, и началъ цѣловать ногу Занги-ата.

Занги-ата восликовнулъ: „Встань! униженіемъ своимъ ты заслужилъ святость“.